

Гу Хуайцин отнёсся к словам с недоверием, но, словно в подтверждение сказанного Дуань Минчэнем, стоны Лотосового господина в комнате действительно поутихли, сменившись причмокиванием поцелуев, страстным мужским дыханием и шлепками плоти о плоть. Постепенно голос Лотосового господина стал мягким, вкрадчивым, с нотками плача, он прерывисто дышал и умолял о пощаде.

Послушав ещё немного, Гу Хуайцин почувствовал, как внутри у него поднимается какая-то дурная теплота. Да и грудь Дуань Минчэня за спиной была словно раскалённая печь, от неё на лбу выступил пот. Раз уж стало ясно, что жизни Лотосового господину ничто не угрожает, дальше слушать не было никакой нужды.

Гу Хуайцин и Дуань Минчэнь бесшумно спрыгнули вниз. После всей этой истории обоим было неловко, и пить дальше не хотелось. Они поспешно расплатились и покинули Башню Нефритовой Опоры.

Когда они пришли сюда, был ещё вечер, а когда уходили — луна уже стояла в зените.

Мягкий ночной ветерок ласково касался лиц, принося с собой приятную прохладу. Они шли по оживлённому Переулку Цветущих Ветвей, беседуя, и вскоре добрались до места, где оставили лошадей.

Гу Хуайцин уже взял поводья своей лошади и собрался попрощаться с Дуань Минчэнем, как вдруг сзади донёсся взрыв развязного хохота.

Гу Хуайцин обернулся и увидел, как из «Зова алых рукавов» вывалилась пьяная компания из семи-восьми мужчин странной внешности, что-то горланящих на непонятном языке. Их наряд разительно отличался от привычного: передняя часть головы была выбрита наголо, а на затылке торчал короткий хвостик, торчащий вверх, что смотрелось весьма нелепо. На них были чёрные холщовые куртки, доходившие до пояса, а снизу — широкие штаны-юбки, на босу ногу они были обуты в деревянные сандалии. За поясом у каждого торчал узкий, слегка изогнутый меч длиной более трёх чи.

— Дунъинцы? — нахмурился Гу Хуайцин, и во взгляде его мелькнуло презрение.

В последние годы пираты-дунъинцы часто бесчинствовали вдоль побережья Восточного моря. Эти разбойники были жестоки и беспощадны, жгли, убивали, грабили, творя всяческие злодеяния, не щадя даже женщин и детей. Народ Великой Ци, естественно, питал к ним глубочайшую ненависть.

Гу Хуайцин невольно сжал кулаки.

— Как дунъинцы оказались в столице? И ещё смеют так развязно веселиться? Чем занимается начальник Столичной управы?!

— Успокойся! — Дуань Минчэнь ухватил его за рукав. — Скорее всего, это посланники, направленные Дунъином.

Гу Хуайцин опешил, но тут же вспомнил, что Сяо Цзин вроде бы упоминал нечто подобное.

В последние годы дунъинские пираты часто тревожили прибрежные районы. К счастью, благодаря доблести армии клана Ци их каждый раз отбивали. Однако Дунъин не оставлял своих замыслов, устремив алчный взор на вассальное государство Великой Ци — Корё. Правящая династия Ли в Корё, укрывшись в своём уголке под защитой Великой Ци, уже двести

лет не знала войн, и её армия существовала лишь на бумаге, боеспособность её была крайне слаба.

Дуньин внезапно двинул стотысячное войско, разделённое на три колонны. Корё, застигнутое врасплох, вступило в бой, но терпело поражение за поражением. Меньше чем за полмесяца большая часть королевства пала. Король Корё в панике бежал, добравшись аж до реки Ялуцзян, и оттуда в крайней спешке воззвал о помощи к Великой Ци.

После нескольких месяцев обсуждений чиновники и сам государь Великой Ци в итоге решили направить войска на помощь Корё. Хотя война истощала народ и казну, все понимали принцип «когда губы исчезают, зубам холодно». Если позволить Дуньину поглотить Корё, следующей целью станет сама Великая Ци.

Император Ци, отец Сяо Цзина, издал указ, повелев главнокомандующему Ци Ляо Цинь Чжи во главе стотысячного войска выступить в Корё для отражения дуньинцев. Цинь Чжи был прославленным полководцем своего времени, ляодунская армия славилась как прекрасным оснащением, так и мощью. И тем не менее, потребовалось полгода тяжёлых усилий, чтобы отбить дуньинскую армию. Однако враг сражался отчаянно, и в решающей битве великий полководец Цинь Чжи, дабы воодушевить воинов, возглавил атаку лично. В итоге он был ранен вражеской стрелой. Хотя тогда он усилием воли довёл битву до конца и принёс победу, позднее, из-за ухудшения ранения, он скончался. Падение такой полководческой звезды было поистине печальным.

В Дуньине формально верховным правителем считался тэнно, но реальная власть находилась в руках сёгунского военачальника Сянъе Дунчжи. Этот человек, полный амбиций, отправил стотысячную армию, но вернулся ни с чем, не получив ни капли выгоды. Как же он мог смириться с этим? После отступления войск Сянъе Дунчжи с беспримечной наглостью выдвинул Великой Ци целый ряд бесстыдных требований, включая свадьбу принцессы Великой Ци с тэнно, открытие торговых портов и уступку половины территории Корё Дуньину.

Услышав эти наглые требования, император Ци чуть не рассмеялся от возмущения! Что за нелепые шутки? С момента основания Великой Ци здесь никогда не было ни браков в знак мира, ни уступки территорий с контрибуциями, а уж тем более, когда Великая Ци была страной-победительницей! Видали наглецов, но такого бесстыдства ещё не встречали!

Условия, выдвинутые дуньинским посланником, были решительно отвергнуты императором Ци. Чиновники Великой Ци, хотя обычно и пребывали в склоках и интригах, в этом вопросе проявили невиданное единодушие, обрушившись на дуньинского посла с градом насмешек и ругани, так что тот не знал, куда девать глаза.

Дуньинский посланник, понурый, убрался восвояси, в столицу, где сгустил краски, докладывая тэнно и военачальнику Сянъе. Сянъе Дунчжи внешне выражал покорность, но в душе затаил злобу и не оставил планов вторжения в Великую Ци. Он давно слышал о несметных богатствах Великой Ци, в отличие от Дуньина — островного государства, бедного ресурсами, — и грезил о внешней экспансии.

Вскоре император Ци скончался, и на престол взошёл не достигший ещё совершеннолетия наследный принц Сяо Цзин. Дуньин, воспользовавшись смутой в Великой Ци, счёл момент удачным и вновь отправил огромную армию напасть на Корё. На этот раз были брошены все национальные силы, и масштаб был ещё грандиознее, чем в прошлый раз.

Армия Корё, по-прежнему ни на что не годная, была изрублена дуньинцами как тыква, и когда

пала королевская столица, спастись удалось лишь королю и его младшей дочери, остальные члены королевской семьи были захвачены в плен.

Не имея иного выхода, король Корё вновь воззвал о помощи к Великой Ци. Сяо Цзин, только что взошедший на престол, отчётливо понимал: эта война, хоть и полная трудностей, неизбежна. Увы, прославленный полководец Цинь Чжи уже пал, и Сяо Цзин направил в поход северо-западную армию, назначив главнокомандующим Ян Шичжуна и выделив восемьдесят тысяч воинов для поддержки Корё.

Ян Шичжун тоже был опытным полководцем, за плечами которого были десятки битв. Ему было уже за пятьдесят, и опыт был богатым. Но дуньинцы, учтя прошлые уроки, стали более хитрыми и неуловимыми. Общая численность циской армии уступала дуньинской, а на армию Корё и вовсе нельзя было положиться. Противостояние затянулось на полгода, каждая сторона одерживала свои победы. Дуньинцы часто занимали труднодоступные позиции, отчаянно сопротивляясь. К тому же они исповедовали кодекс бусидо, предпочитая совершить сэппуку, но не сдаваться в плен. Каждая битва была ожесточённой, реки крови лились рекой, и потери циской армии были огромны.

Ян Шичжун, видя, что ситуация зашла в тупик, вынужден был запросить у двора подкреплений, надеясь на переброску армии клана Ци из восточного Чжэцзяна. Сяо Цзин удовлетворил его просьбу.

Армия клана Ци, хоть и насчитывала всего чуть более десяти тысяч человек, годами сражалась с дуньинскими пиратами и прекрасно знала их тактику. С её помощью циская армия обрела крылья. Ян Шичжун сделал вид, что готовится к атаке, а тем временем тайно отправил элитные части армии клана Ци поджечь вражеские продовольственные склады.

Какой бы сильный дух ни был у бусидо, без еды не обойтись. Лишившись запасов, дуньинская армия запаниковала. Цисцы воспользовались моментом и обрушили на врага яростный удар. Боевой дух дуньинцев был сломлен, они обратились в беспорядочное бегство, вынужденные отступить под покровом ночи. Цисцы преследовали их, нанося сокрушительное поражение.

Дважды Дуньин нападал на Корё, и дважды возвращался ни с чем. Более половины из сотен тысяч отборных войск было потеряно, а потраченные средства и вовсе не поддавались счёту. Никакой выгоды добыть не удалось, проигрыш был сокрушительным. Репутация военачальника Сяньэ на родине резко упала.

Однако победа Великой Ци тоже была пирровой. Как говорится, «убей тысячу — потеряй восемьсот». Десятки тысяч отборных циских воинов полегли на полях Корё, включая таких полководцев, как Цинь Чжи. Да и война — дело затратное. Корёйцы воевать не умели, а вот торговать — это пожалуйста. Все необходимые Великой Ци материалы приходилось покупать за чистое серебро, в кредит не давали. За две войны военные расходы Великой Ци достигли миллионов лянов серебра, и казна была на грани истощения.

Поскольку продолжать войну ни та, ни другая сторона уже не могли, Великая Ци и Дуньин по молчаливому согласию начали мирные переговоры. Сяньэ Дунчжи отправил своего родного сына, также одного из главнокомандующих в войне с Корё, Сяньэ Сюнфэя, в качестве посланника с государственной грамотой в столицу Великой Ци для заключения мира.

Что касается этой войны с дуньинцами, то у Дуань Минчэня были о ней более прямые впечатления, ведь он, как часть северо-западной армии, лично побывал на полях сражений в Корё, возглавляя отряд Гвардии в парчовых халатах, занимавшийся подпольной

разведывательной работой. Гвардейцы в парчовых халатах обладали высоким боевым мастерством, да и в мирное время были искусными сборщиками информации, а на полях Корё они сыграли роль шпионов, собрав множество сведений о дунъинской армии и внося неоценимый вклад в победу цисцев. Поистине, они были героями невидимого фронта.

Дуань Минчэнь с первого взгляда узнал среди той толпы дунъинцев могучего телом и отвратительного лицом мужчину — единственного сына военачальника Сяньэ, Сяньэ Сюнфэя.

<http://bllate.org/book/16283/1466782>